

ГРИНЯЕВ С. Н.

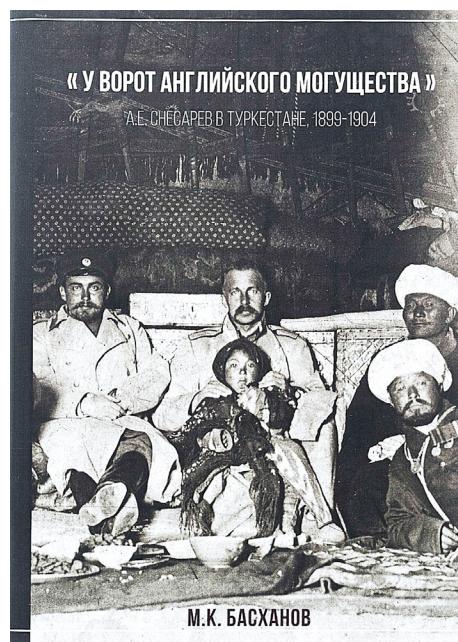
РАЗМЫШЛЕНИЯ ОБ А. Е. СНЕСАРЕВЕ И КНИГИ О НЕМ

В декабре 2015 г. российская научная общественность отмечала 150-летний юбилей Андрея Евгеньевича Снесарева – русского ученого, востоковеда, геополитика, офицера Генерального штаба. Почему сегодня так важно наследие Снесарева? Именно потому, что сегодня в отсутствие иных материалов молодежь изучает историю и геополитику по трудам западных ученых. Сегодня геополитика для многих – это Макиндер и Хаусхофер. Кто-то добавит сюда Киссинджера и Бжезинского. Но мало кто вспомнит о Флоренском, Скobelеве, Милютине, Ключевском и уж тем более – о Снесареве. Да и зачем вспоминать о Снесареве, когда одна из его основных концепций связана с негативным влиянием политики Великобритании на Россию. Именно в кознях Лондона Андрей Евгеньевич видел большинство проблем нашей страны. И это в начале XX века! Как справедливы были его оценки! За последние годы появилось значительное количество переизданных работ самого Снесарева и о нем. Большинство из них публицистические и художественные, строгого исторического исследования среди них, к сожалению, не так много. Однако важно другое – фигура Снесарева вновь введена в научное поле русского востоковедения и русской геополитики. Сегодня существует и премия для молодых ученых имени А. Е Снесарева [1], дающая возможность молодежи ближе прикоснуться к творчеству этого русского ученого, проникнуться духом и верой в уникальную роль России в мировой истории.

В год 150-летнего юбилея многие тонкости и черты характера стираются, остается только еди-

ный образ, отчасти мифологизированный, содержащий налет десятилетий. Но то, что этот образ как совокупная оценка всего научного задела Снесарева сегодня крайне актуален и востребован – бесспорно, в этом и есть значение фигуры Снесарева для русской истории и русской геополитики.

Так, в числе юбилейных мероприятий особое место занимает Международная научная конференция «Военное востоковедение. К 150-летию А. Е. Снесарева (1(13).12.1865–04.12.1937)», которая прошла 14-15 декабря 2015 г. в Санкт-Петербурге в Институте восточных рукописей РАН. Одним из ключевых событий конференции было представление книги М. К. Басханова «У ворот английского могущества» [2].

Сам автор – майор запаса Вооруженных сил СССР, доктор исторических наук, действительный член Королевского общества по изучению Востока, ныне проживающий в Глазго, Великобритания, хорошо известен по своим предыдущим военно-историческим работам [3]. Представленная в Санкт-Петербурге книга написана на основе архивных источников – как российских, так и британских. И это, пожалуй, первое подобное издание о научном творчестве Снесарева. В ее подготовке активно участвовали и родственники Андрея Евгеньевича, хотя окончательная подготовка самой книги и заняла всего три месяца – автор торопился представить работу именно к 150-летнему юбилею [4]. Как пишет сам автор, «...в литературе последнего времени тема о Снесареве несколько уклонилась в область «высоких материй»: geopolитики, национальной безопасности, «уроков для будущего» и т.д. Снесареву стали приписывать идеи, которых он никогда не высказывал, и концепции, разработкой которых не занимался. Параллельно с этим получил развитие и процесс мифотворчества – Снесарева стали продвигать на роль стратегического провидца и geopolитического ясновидящего...» [С. 6. Здесь и далее по тексту в скобках указаны страницы книги Басханова. – Ред.].

Тут я целиком согласен с автором (по тексту книги это будет совсем даже редко) – именно такой образ Снесарева, пусть и частично мифологизированный (уж 150 прошедших лет позволяют говорить и о легкой мифологизации) нужен молодым студентам и курсантам учебных заведений, которые только встают на тернистый путь науки, и для которых особо не важны те нюансы и тонкости, на которые так старательно, с опорой на источники, указывает в своей книге Михаил Басханов.

Когда мы вручаем дипломы премии им. А. Е. Снесарева, то часто слышим от молодых лауреатов, что именно творчество ученого открыло для них огромный пласт научных знаний о Востоке, о роли и месте России в мировой geopolитике и многое другое.

Книга М. Басханова уникальна по общему числу и качеству цитируемых источников, однако, по ее прочтении не оставляет ощущение «иезуитского» стиля изложения – вроде бы все точно и правильно написано, но в итоге образ Снесарева уже не такой чистый и ясный, уже появляются «исторические тонкости» и нюансы его отношения к людям, к военной службе, к собствен-

ному творчеству. И по итогу перед нами уже не великий русский востоковед и geopolитик, офицер русской армии, провидец тайных угроз безопасности нашей страны, а заурядный «младший научный сотрудник» современного НИИ, компилирующий свои научные работы, подтасовывающий исторические факты и завидующий более успешным сослуживцам. В этой связи у меня, как у читателя, к которому, в том числе и обращена книга, возникает законный вопрос – а зачем столько деталей?

Однако чтобы не быть голословным, попробую с опорой на текст книги показать тот портрет Снесарева, который сложился у меня. Обратимся только к нескольким наиболее ярким чертам портрета Снесарева, описанного в книге через архивные источники, – это его отношение к сослуживцам, его отношение к службе и его научное творчество в период службы в Туркестане (очень короткий период – всего четыре года). Так, описывая итоги поездки Снесарева в Индию (первом значительном событии в его карьере ученого), автор указывает, что было бы неверно считать, что поездка в Индию открыла ему некое пророчество и высшую истину. По мнению автора, в отдельных вопросах ему не удалось до конца разобраться с истинным положением дел, как например, в вопросах о роли британской администрации в обустройстве Индии «считал, что англичане только «выкачивают жизненные соки страны»), о степени ненависти местного населения к британской колониальной системе (преувеличивал антагонизм), религиозного и кастового разобщения индийского общества (недооценивал этот фактор). Поездка в Индию имела и тот эффект, что Снесарев в ряде вопросов, особенно военных, не вполне верно оценивал боевой потенциал индо-британской армии, ее сильные и слабые стороны, стратегическую устойчивость (на тот момент) британской военной системы в целом [С. 41]. Это вполне простительно для молодого выпускника академии (путь это и академия Генерального штаба), но уже менее простительно для будущего ученого, ибо внимание к тонкостям и незначительным фактам, а также верность оценок – залог успеха на научном поприще.

Говоря в целом о Снесареве как об офицере Русской армии, Басханов исходит из традиционной оценки принадлежности к «офицерской касте» – если не прошел все ступени «посвящения», то настоящим офицером ты так и не станешь. Так, в частности, им отмечается, что

«...особенностью психологического восприятия Снесаревым службы был тот факт, что он влился в корпорацию офицеров Генерального штаба, что называется, «с гражданки», то есть, не пройдя классического пути в образовании офицера – кадетский корпус, военное училище, академия. Вопрос на самом деле стоял шире образования, *речь шла о духовно-психологических трансформациях, которые Снесареву не удалось в полной мере пройти.* По этой причине в офицерской среде Снесарев воспринимался как-бы не до конца своим, не полностью военным...» [С. 52].

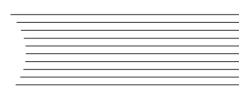
Да, есть такое восприятие в офицерской среде, но вот следующие утверждения автора, которые он приводит ниже, уже совсем не соотносятся с «психологическими мотивами». Автор, в частности, указывает на то, что «...следует обратить внимание на свободное отношение Снесарева к конфиденциальности сведений, помещенных в секретных и ведомственных изданиях штаба округа. Как видно из его переписки с сестрой, он нередко отправлял ей свои работы, которые предназначались лишь узкому кругу лиц. Многие печатные работы Снесарева относились к разряду секретных, содержали конфиденциальные сведения разведки, указания на мобилизационную готовность войск округа, и пр....» [С. 169]. В этих словах фактическое обвинение Снесарева в разглашении секретных сведений, поскольку мы не можем быть уверенными в том, что присланые сестре рукописи не попали в чьи бы то ни было другие руки.

Дополняя образ Снесарева как офицера, автор отмечает, что в вопросе назначения Снесарева командиром Памирского отряда на сегодняшний день существует только одна версия (причем, самого Снесарева) – добровольное согласие (что вполне очевидно, учитывая его интерес к Памиру и результаты рекогносцировок). Однако автор не исключает и иного положения вещей – после представления соответствующей записки руководству округа у Снесарева не оставалось шанса не быть назначенным на должность начальника отряда [С. 172]. Тут надо почувствовать разницу – быть добровольцем в трудном деле и «обречь» самого себя минимум на год тяжкого труда, либо просто выполнить приказ командира, не имея возможности от него самоустраниться.

Интересная характеристика Снесарева как офицера – он оказывается абсолютно несдержаным и самовольным: несколько раз за период его службы в Туркестане по его вине чуть был не спровоцирован международный конфликт

в период его рекогносцировок, включавших несанкционированные переходы на сопредельную территорию. По поводу одного такого случая автор отмечает, «...чем руководствовался Снесарев, открыто играя с огнем, теперь сказать трудно. Может быть, это был акт бравады, демонстрация пренебрежительного отношения к китайцам...» [С. 115]. Другой эпизод с участием Снесарева в качестве командира Памирского отряда, в условиях, как отмечает автор, отсутствия у него достоверной информации о событиях на границе, *напоминает излишнюю демонстрацию силы, пустую браваду, с приданием ей известного масштаба (с помощью слухов)* [С. 176]. Бравада и слухи о несостоявшихся (или преувеличенных) победах – это скорее уже образ «поручика Ржевского» из скабрезных анекдотов... Собственно, о человеческих качествах Снесарева говорят его отношения с сослуживцами и это достаточно подробно описано в книге. Важно отметить, что среди них были и столь значительные исторические личности, как Л. Г. Корнилов. Важно, что Лавр Георгиевич был крестником детей Снесарева, что является крайне важным свидетельством их отношений, поскольку Снесарев был весьма набожным человеком, но, по мнению Басханова, этот вопрос очень тонкий. Так, автор указывает, что «...в период нахождения в должности Верховного главнокомандующего, готовясь к борьбе с немцами на фронте и с большевиками в тылу, Корнилов собирает вокруг себя единомышленников, делает ставку на наиболее надежных из них. Из совокупности доступных сведений можно сделать вывод, что в *число таких людей Снесарев не входил...*» [С. 78].

В Ташкенте Снесарев одно время жил вместе с офицером А. М. Григоровым. В тот период Снесарев в переписке называет его «мой товарищ». В более поздний период Снесарев поддерживал товарищеские отношения с Григоровым, но в этих отношениях со стороны Снесарева больше созерцательности, некоего внешнего, стороннего наблюдателя за жизнью человека, с которым его в молодости столкнула и сблизила судьба [С. 81]. Особо, по мнению автора, это прослеживается в период Первой мировой войны, когда Григоров оказался в немецком плену. Автор отдельно показывает теплое отношение тестя Снесарева к Григорову – он переписывается с ним, отправляет посылки при посредничестве Красного Креста и др., но Снесарев остается безучастен к судьбе своего друга.

Описывая в письмах судьбу еще одного своего друга – И. К. Серебренникова, Снесарев отмечает, что «... война для него сложилась, видимо, очень неудачно, и он сильно отстал...». Автор подчеркивает, что с учетом событий Русской Смуты, повергнувшей в прах былые заслуги, чины и награды, разделение Снесаревым ее участников на «удачно» и «неудачно» закончивших войну выглядит несколько странным [С. 82]. Это очень мягкое слово «странным» – за ним кроется весьма недвусмысленная оценка Снесарева. Сходное отношение Снесарева по мнению автора и к М. В. Грулеву. Известно, что Михаил Владимирович многое сделал для Снесарева в период его службы в Туркестане. Особенно все, что касается его деятельности в качестве автора и редактора в «Сборнике сведений касающихся стран сопредельных с Туркестанским военным округом». Однако, как указывает Басханов, «...востоковедные работы Грулева оказались обойдены вниманием Снесарева и не получили его должной оценки. В императорский период Снесарев практически не использовал работы Грулева...» [С. 83]. В тех же случаях, когда они все же упоминались Снесаревым, эти оценки носили снисходительный характер. Так, Снесарев в частности упоминает в своих работах труд Грулева «Некоторые географико-статистические данные, относящиеся к участку Аму-Дарьи между Чарджуем и Питта-Гиссаром» и характеризует ее как «...чисто компилятивный и во многих отношениях не совершенный...» [С. 83]. Оценка такого поведения Снесарева у автора крайне жесткая – по его мнению, *утверждение это безапелляционно и совсем не соответствует содержанию работы*. Даже нашумевшая (именно так указано в книге) работа Грулева «Соперничество России и Англии в Средней Азии», не побудила Снесарева откликнуться на нее хотя бы небольшой рецензией. Важность работы оценили британцы и сразу сделали ее полный перевод (именно по той причине, что Англия в ней не выступала главной угрозой для России). Грулев внимательно следил за научной деятельностью Снесарева, интересовался его публикациями. Известна его рецензия на книгу Снесарева «Индия как главный фактор в среднеазиатском вопросе». В рецензии, в частности, указывалось: «... Уважаемый автор весьма добросовестно разработал некоторые экономические и статистические данные, касающиеся Индии...» [С. 84]. А вот Басханов делает крайне неоднозначное высказывание: «...нельзя также исключить, что в вопросе личных симпатий для

Снесарева, с его устойчивыми антисемитскими взглядами, не последнее значение имело и еврейское происхождение Грулева...» [С. 86]. Может быть сегодня в условиях вселенской борьбы с ксенофобией это и имеет значение, но сто лет назад ситуация была диаметрально противоположной – существовала определенная государственная национальная политика, веками формировалась отношение ко всем народам Империи, и это хорошо известно историкам. Можно также добавить следующее. Басханов излагает свою позицию с опорой на архивные документы, однако все ли можно объяснить только ими? Не следует забывать, что Снесарев был офицером военной разведки и уж Басханову должно быть известно, что не все в разведке доверяется бумаге. Так, к примеру, можно поставить под сомнение бескорыстную любезность Грулева в оценках работ Снесарева. Во-первых, большинство «любезностей» приходится на 1906 г. – время, когда в самом разгаре были тайные контакты по заключению англо-российского договора. Понятно, что аргументированная позиция Снесарева была крайне вредна Лондону в этих переговорах, и прилагались большие усилия к тому, чтобы эту угрозу ликвидировать. Это объясняет и то, что Грулев «...внимательно следил за научной деятельностью Снесарева...». Работы самого Грулева устраивали Лондон. Ну и в завершении портрета: выйдя в отставку в 1912 г., Грулев уехал в Ниццу, а не остался в «проклятой богом» России.

Басханов также указывает, что оценивая труд британского подполковника Чарльза Йейта «Хоросан и Сеистан», Снесарев пересказал рецензию другого автора, упрекнув Йейта за то, что как англичанин он не смог разглядеть «благородного влияния» России в Азии. По мнению Басханова, книга Йейта серьезная и потому представляла большой интерес для русской разведки в Туркестане. Она заслуживала гораздо более внимательного и вдумчивого подхода [С. 98]. В частности, упоминается оценка ее Корниловым, что книга Йейта представляет собой подарок, о котором он мог только мечтать. Корнилов высоко оценил труд Йейта и использовал его при подготовке отчета по рекогносцировке Сеистана [С. 83]. А вот в рецензии на книгу Александра Гарднера «Воспоминания» Снесарев указывал: «Мемуары Гарднера, опубликованы уже шесть лет тому назад, но, сколько известно, не обратили на себя внимания русской печати, хотя такового вполне заслуживают». В данном случае Басханов считает, что с этим также трудно согласиться.

По его мнению, книга не только полна неточностей, но и изобилует прямыми вымыслами и фантазиями о приключениях автора. Книга никогда не воспринималась всерьез среди людей, осведомленных в среднеазиатском вопросе [С. 99]. Еще одна рецензия Снесарева – на анонимную книгу «Задачи России в Средней Азии». Эту рецензию Басханов вообще сравнивает с фельетоном, хотя уровень источника, по его мнению, заслуживал глубокого и всестороннего изучения материала [С. 120]. А вот рецензия Снесарева на книгу Ю. Д. Головиной «На Памирах: Записки русской путешественницы» также вызвала удивление автора, но уже совсем по другому поводу. Он полагает, что книга неожиданно и несправедливо привлекла внимание Снесарева, «...уделившего этой незначительной книге весьма объемную рецензию...» [С. 124]. Что важно, по мнению Басханова: со стороны рецензия напоминала избиение младенца – столь завышенными были претензии Снесарева к автору. В данном случае рецензент приложил всю свою интеллектуальную мощь не к тому объекту и перепутал жанр легкого повествования с академическим исследованием [С. 124]. Басханов особо отмечает, что рецензия Снесарева многими была воспринята как несправедливая, в защиту Головиной был написан ряд работ [С. 125]. В 1902 г. Снесарев участвовал в редактуре отчетной работы подполковника А. А. Полозова – «Северо-Западная граница Индии». Басханов обращает внимание на снисходительный тон в оценке работы Полозова – «брошюра». Характеристика работы как «брошюры» с малым числом страниц как-бы оттеняла объем и значительность его собственной отчетной работы по Индии – «Северо-индийский театр» (450 страниц только в первой части, подготовленной на тот момент) [С. 152].

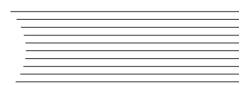
Подводя некоторый итог деятельности Снесарева как ученого, Михаил Басханов указывает, что рецензии как литературный жанр удавались Снесареву не всегда удачно, несмотря на отличное владение темой, знание широкого круга источников и личный опыт [С. 120]. В этой связи можно предположить, что такие оценки творчества (знал, владел источниками, но написал ерунду) могут свидетельствовать о некой «нечистоплотности» и «угодничестве» в подготовке материалов со стороны Снесарева. Вообще, Басханов отмечает, что Снесарев в период службы в Туркестане редко удостаивал кого-нибудь из своих сослуживцев лестными отзывами на их печатные труды. К своим же работам он хоть и относился

критично, но считал их по сравнению с работами других офицеров штаба округа более совершенными в научном плане [С. 152]. Т.е. вполне себе типичный фанфaron, а не старший офицер Генерального штаба.

Отдельно следует отметить вопрос о знании иностранных языков. Вопрос не столь принципиален в оценке творчества Снесарева, однако также не остался в стороне от бдительного ока Басханова. В частности он отмечает, что «... несмотря на наличие возможностей [автор пишет о больших возможностях изучения языков в Ташкенте], Снесарев не предпринял попытки использовать их для изучения восточных языков. В то же время, знание языка урду, несомненно, могло бы помочь ему в изучении Афганистана и Индии...» [С. 71]. Ну и совсем личное (если не брать во внимание попытку британцев соорудить для Снесарева «медовую ловушку» из графини Лейтер). Автор пишет, что «...в его [Снесарева] отношении к женщинам было больше рационального, нежели чувственного, и трудно сказать, испытывал ли он по настоящему серьезное чувство до встречи с Евгенией Зайцевой, своей единственной и истинной любовью...» [С. 72]. Оценку такого суждения я полностью оставляю родственникам Андрея Евгеньевича.

Завершая образ Снесарева, Михаил Басханов пишет, что «...в записке «О Памирах» **Снесарев позиционирует себя как безусловный авторитет в памирском вопросе, он подчеркнуто демонстрирует свою эрудицию, иногда даже излишне применительно к поставленной ему задаче...**» [С. 132]. Также оценивая работу Снесарева «Индия как главный фактор в среднеазиатском вопросе. Взгляд туземцев Индии на англичан и их управление», автор отмечает следующее: «...основываясь на безусловно аксиоматической идеи о важном значении Индии для экономического, политического и военного могущества Великобритании, автор делает ряд выводов, совершенно не стыкующихся с исторической реальностью. Прослеживается явная подгонка исторического материала и отдельных фактов под самодовлеющую идею – всеми средствами убедить читателя в том, что Индия представляет собой основу могущества Великобритании...» [С. 159]. В работе указывается, что некоторые тезисы, представленные в данной книге Снесарева, не свободны от предвзятого подхода, в силу чего происходит искажение исторической реальности [С. 162].

Но, что, на мой взгляд, просто нетерпимо,

так это следующее утверждение автора: «...*опровергнувшись источниками, Снесарев явно подтасовывает факты...*» [5]. Так, автор отмечает, что серьезный смысл работ Дигби и Наороджи нивелируется использованием вырванных из контекста идей и положений, в то время как сами работы шире и серьезнее того формата, в который пытался поместить их Снесарев [С. 164]. А вот четвертая глава работы, по мнению господина Басханова, по форме и содержанию вообще близка к нарративному рассказу и историческому анекдоту [С. 164].

Какими бы ни были работы Снесарева – они его, и на них он проходил становление как ученик. Возможно, в чем-то он и ошибался, но нельзя сегодня вставать рядом с ним, осуждать его за то или иное решение – это решение его, оно соответствовало его убеждениям и взглядам того времени. Многие из снесаревских выводов подтвердились временем и актуальны даже сегодня.

В заключение еще раз хочу отметить следующее. Возможно, что многие из приведенных фактов и имели место в то время и в той жизни, в том историческом контексте. И сегодня они, возможно (мне – нет) интересны узкому кругу историков, занятых разбором личных писем. Михаилу Казбековичу, по его собственному признанию, работая над книгой, удалось получить ряд уникальных документов, а также получить доступ к неким «святыням» британских архивов. Но максимум, что из этого мы найдем в книге – это запись во въездной книге о прибытии в Британию госпожи Лейтер, что служит косвенным признаком продолжения их любовного романа. Но так ли это важно?

Полагаю, если бы, к примеру, работая в королевских архивах, автор составил аргументированное представление о позиции Великобритании на «среднеазиатский вопрос» (ведь поездка Снесарева была лишь ответным визитом в Индию – британские офицеры первыми стали ездить по российской Средней Азии) или пролил бы свет на роль офицеров британских военно-морских сил в ходе Цусимского сражения и вообще на роль и место Великобритании в русско-японской войне и истинных движущих силах заключения договора 1907 г., тогда бы такой труд и оценивался бы совершенно по-иному. Скажу

лишь одно – столь незавидные оценки офицерской службы Снесарева, ряда его трудов и личных качеств, которые присутствуют в книге, не скажутся на отношении к роли и месту этой далеко незаурядной личности в отечественной истории. Полагаю, что мы еще сможем увидеть и прочитать мнения иных ученых-востоковедов по представленной работе.

Примечания

1. http://csef.ru/snesarev_award
2. Басханов М. К. «У ворот английского могущества: А. Е. Снесарев в Туркестане, 1899–1904. – СПб.: Нестор-История, 2015. – 328 с., ил.
3. http://ens.mil.ru/science/lib_gs/ad/more.htm?id=12077472@cmsArticle
4. Полностью презентация книги доступна по адресу <https://www.youtube.com/watch?v=rgt4hItjsfg>
5. Здесь имеет смысл сослаться на диссертацию Михаила Басханова на соискание ученой степени кандидата исторических наук «Политика Англии и России в отношении государства Якуб-бека в Восточном Туркестане (60-70-е гг. XIX в.)», 1991 год. В частности, в автореферате есть такой абзац «...Чрезвычайную ценность для определения сущности, формы и типа государственного образования Якуб-бека имеют работы В. И. Ленина «Государство и революция», «О государстве» и др. При определении роли и места религии и вооруженных сил в Йэттишаре первостепенное значение имеют мысли В. И. Ленина о кровной заинтересованности эксплуататорских классов «для охраны своего господства в двух социальных функциях: в функции палача и в функции попа». Влияние института священнослужителей на жизнь кашгарского общества и политику Якуб-бека было огромно. Верность методологического положения В. И. Ленина о том, что «духовенство всегда участвовало в политике», особенно отчетливо проявляется на примере последних лет существования Йэттишара, когда политика священнослужителей существенно подрывала прочность власти Якуб-бека...».

